

© А. А. Чернобров

DOI: 10.15293/2226-3365.1403.04

УДК 811.111'373 + 811.161.1'373 + 008

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ, СОДЕРЖАНИЕ И ТИПЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

А. А. Чернобров (Новосибирск, Россия)

В статье раскрывается суть лингвокультурологического подхода в лексикографии, разбираются основные отличия лингвострановедческих словарей. Особое внимание уделяется демаркации лингвистического и экстралингвистического. Подчеркивается особая роль ассоциативного метода в составлении подобных словарей. Приводятся примеры словарных статей, обосновываются принципы их формирования.

Изучая язык, надо, с одной стороны, входить в область материальной реальности культуры, культурологии, истории, фольклора и т. д., а с другой – в область чисто психического – как социально-психического, так и индивидуально-психического. Экстралингвистические реалии детерминируют вполне определенные эксплицитные и имплицитные компоненты значения данного слова. Эти семы обуславливают в свою очередь лингвистическое окружение данного слова, его комбинаторику, дистрибуцию, так сказать, контекстуальную валентность.

Лингвокультурологические словари состоят из двух основных принципов:

- 1) культурная специфичность самой лексемы или каких-либо компонентов значения слова;*
- 2) общеизвестность словарной информации для всех носителей данного языка и культуры.*

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический словарь, лексикография, принципы формирования.

Многие отрасли науки первоначально возникают из необходимости решения чисто прикладных, прагматических задач. Так появились теоретические системы от геометрии до психоанализа. В семидесятые годы Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выдвинули лингводидактическую теорию, названную лингвострановедением (далее ЛС). Идея заключалась в преподавании языка в неразрывной связи с культурой и «мента-

литетом» нации изучаемого языка. Стало ясно, что в противном случае адекватная, полноценная коммуникация невозможна. Люди, принадлежащие к одному сообществу, всегда подразумевают больше, чем говорят вслух. Эта подразумеваемая информация, называемая *фоновой*, известна практически всем членам данного сообщества и находится как бы в свернутом виде в сознании и подсознании коммуникантов. Первоначально

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: chern@sibmail.ru

задача ЛС состояла в том, чтобы собрать такую информацию. Вероятно, ранее преподаватели недооценивали масштаб различий «своей» и «чужой» фоновой информации. Сбор такого фактического материала очень трудоемок и потребовал длительного времени. В отношении англоязычной культуры положение изменилось к лучшему с выходом объемных лингвострановедческих словарей [Великобритания, 1978; Претриковская, 1998; 1–2; 11; 14–15; 17]. Многие лексикографические бреши в знаниях об англоязычных культурах и культуре Франции и Германии заполнены [6; 12–13]. Что касается других языков, сбор и систематизация лингвострановедческой информации еще далеки от завершения.

Нужно подчеркнуть, что эта работа никогда не может быть окончательно завершена. Культура не статичная данность, а динамический процесс. Наиболее точное описание культуры в ее лингвистических проявлениях возможно только при помощи мониторинга, подобного наблюдениям за атмосферными явлениями. Кроме того, цепочки зависимостей элементов культуры и языка не всегда можно восстановить. В особенности это касается далеко отстоящих во времени диахронических аспектов языка и культуры. Несмотря на это, текучесть подобного материала не стоит преувеличивать. Анализ языка, как структурный, так и ассоциативный, показывает, что многие составляющие «культурного наполнения языка» достаточно долговечны и стабильны.¹

Оптимизация межкультурной коммуникации происходит теперь больше на практике, чем в теории, благодаря интервенции западной культуры в Россию за последние

годы. Под словом «западная» надо иметь в виду прежде всего американскую массовую культуру.

С течением времени появлялись все новые доказательства того, что язык не может быть ни описан, ни декодирован, ни применен, не выходя за пределы собственно лингвистического. Изучая язык, надо, с одной стороны, входить в область материальной реальности культуры, культурологии, истории, фольклора и т.д., а с другой стороны – в область чисто психического – как социально-психического, так и индивидуально-психического.

Очень важным и актуальным для лингвокультурологии является разграничение между языковым и неязыковым знанием. Отсюда вытекает и вопрос: являются ли лингвострановедческие словари лингвистическими?

Соотношение между лингвистическим и экстралингвистическим в ЛС, семантике, прагматике, ономастике вызывает большие споры. Ю.Д. Апресян [3, с. 102] отмечает, что мысль о нелингвистичности значения слова выражена в своей крайней форме у классиков структурализма. Л.Блумфилд писал, что «значение не может быть проанализировано в рамках нашей науки» [4]. По его мнению, различие между фламинго и колибри – это область зоологии, а не лингвистики, так же как различие между нейтроном и протоном – область физики. Если быть последовательным, то при таком взгляде лингвистику не должны также интересовать различия между столом и стулом. Ж. Вандриес писал по этому поводу, что носители языка не знают точного значения слов, однако владеют номинально всем словарем данного языка [5]. Эта точка зрения привела последователей Блумфилда к мысли, что лингвистическим является только грамматическое значение.

¹ Доказательства этому можно найти как в наших предыдущих работах [22] и др. так и в работах других исследователей.

Нам кажется, ключевое значение здесь имеют фразы: «точное значение» и «номинальное значение». Точное знание о предмете недостижимо, к тому же оно не имеет никакого лингвистического значения. Но вряд ли можно сводить значение слова к грамматическому, структурному значению. Интенциональное значение слова – это интуитивное номинальное определение понятия, основанное на тривиальных фоновых знаниях носителей обыденного языка.

Выделение понятий отнюдь не всегда происходит при помощи интуитивного определения. Различие значений слов «фламинго» и «колибри» любой ребенок может усвоить наглядным путем. Подобные слова употребляются большинством носителей языка экстенционально, то есть, мысля себе слово, ребенок идет от наглядного предмета к абстрактному понятию. А «главный» признак наглядно познаваемого предмета – это характерный «бросающийся в глаза» признак. Этот признак чаще всего и является лингвистически значимым. Характерный признак не обязательно выделяется наглядно или, как говорят западные логики, остенсивно.

Например, функциональный признак собаки – то, что собаки лают, – имеет большое психологическое значение для ребенка при усвоении языка. Но с логической точки зрения этот признак не является определяющим. Для номинации в естественном языке характерный признак часто бывает более важным, чем так называемый существенный. В русских названиях грибов (подберезовик, подосиновик, боровик, опенок) характерным признаком является место их произрастания. Это место и есть интуитивный дифференциальный интенциональный признак, образующий языковые концепты «опенок» и «подберезовик». Биолог возразит, что важнейший различительный

признак этих грибов другой: опенок – это пластинчатый гриб, а подберезовик – губчатый. Указание «растущий в березовых лесах» в описании подберезовика содержится в словарях Т. Ф. Ефремовой, БАС и МАС². В словарях В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова оно отсутствует. В лингвокультурологических словарях подобные характерные признаки должны обязательно перечисляться в соответствующих словарных статьях.

Призыв классиков структурализма разделить лингвистический и экстралингвистический планы значения совершенно верен, но их попытка слишком радикальна. Более удачным способом отделить «субстанции содержания слова» (термин Л. Ельмслева) от значения слова может быть конвенционалистский подход. При этом важны не столько знания о предмете, сколько представления о нем, причем общераспространенные представления.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров приложили много усилий, чтобы защитить лингвистический статус ЛС. Они всячески подчеркивали разницу между ЛС и общим страноведением, выделяя его лингводидактический характер. Эти авторы писали: «Почему так настойчиво говорится, что лингвострановедение действует лишь через язык и непременно в процессе его изучения? Эти два ограничения способствуют сохранению гомогенности лингвострановедческого аспекта» [8, с. 37]. «Сохранить лингвистическую гомогенность ЛС» действительно важно. Но это можно сделать разными способами: можно заявить, что язык – слово и текст – являются источниками и носителями внеязыкового

² Словарь русского языка (МАС) // Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma317421.htm>

знания. Следовательно, при изучении языка мы получаем культурные онтологические знания о мире непосредственно из языка. Так и поступили основоположники ЛС. Из постулата о языке как об источнике и хранилище знания вытекает теория о «кумулятивной» (накопительной) функции языка [8, с. 10]. Эта теория приводит авторов к ответственному философскому обобщению об априорном, доопытном характере знания вообще. Они говорят о «сапиентеме», некоей единице доопытного знания и, по сути, возрождают к жизни платоновские эйдосы и признают их реальность [9, с. 825–829].

Принципиально иной способ увязать внеязыковые знания о мире с языком – это концентрация на изучении непосредственно языковых манифестаций внеязыковых знаний. На этом настаивает И.А.Стернин: «Лингвистику интересуют только языковые знания о мире, хранящиеся в значениях слов, и именно эти знания она изучает» [18, с. 31]. «Неязыковые знания о мире – это знания, которые не входят в значения языковых единиц в виде отдельных семантических компонентов; языковые знания представлены в виде компонентов в структуре значения слова. Языковые знания, таким образом, выступают как один из компонентов знания о мире, свойственных человеческому сознанию» [18, с. 21–22].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров пытались увязать языковое значение и внеязыковые знания, введя понятие «лексического фона как совокупности внепонятийных семантических долей слова» [8, с. 10]. Более корректной и логически непротиворечивой будет формулировка: семантика слова включает два компонента: логический и ассоциативно-психологический. Логическая дефиниция слова включает логически необходимые признаки предмета. Ассоциативный компо-

нент включает наиболее психологически значимые признаки. Бурно развивающаяся в последнее время концептология стремится исследовать эти два важнейших принципа организации знания.

Таким образом, образуется связующее звено между лингвистическим и экстралингвистическим планами. Неверно было бы говорить, что экстралингвистическое входит в лингвистическое. Экстралингвистические реалии детерминируют вполне определенные эксплицитные и имплицитные компоненты значения данного слова. Эти семы обуславливают, в свою очередь, лингвистическое окружение данного слова, его комбинаторику, дистрибуцию, так сказать, контекстуальную валентность. Так сохраняется «лингвистическая гомогенность» ЛС, о которой говорили Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров. Проще говоря, речь идет о четком разграничении лингвистического и экстралингвистического планов. Это разграничение происходит не только на уровне семантики, но и на уровне текста в целом.

Поначалу считалось, что лингвострановедческие словари – это нечто вроде энциклопедического справочника, лишённого глубины и систематичности настоящей энциклопедии. Авторам приходилось защищаться и пояснять, что выбор лексем и материалы словарных статей не являются произвольным. Лингвокультурологические словари составляются исходя из двух основных принципов: 1) культурная специфичность самой лексемы или каких-либо компонентов значения слова; 2) общеизвестность словарной информации для всех носителей данного языка и культуры.

Поэтому во все лингвострановедческие словари входят те слова, которые принято называть реалиями. Слово «прописка» в русском языке выражает специфически

российскую (советскую и постсоветскую) культурную реалию, слово *sheriff* – американская и английская национально-специфичная «культурная» реалия. Это примеры проявления материального аспекта культуры в языке. Носителям англоязычной культуры известно, что шериф в Англии – это главный представитель правительства в графстве. Он назначается королевской жалованной грамотой на один год и выполняет административные функции, в том числе ведает полицией и уголовным розыском, надзирает за организацией выборов в парламент и исполнением судебных решений. В Шотландии характер должности иной, там судья-шериф – главный судья графства – назначается монархом пожизненно. В США шериф округа (county) является шефом окружной полиции (sheriff's department). Чаще всего слово «шериф» сейчас употребляется именно в этом значении. Приведенная выше информация отвечает двум главным критериям отбора в лингвокультурологический словарь.

Специфика материальной культуры может проявляться не только в жестких интенциональных, эксплицитных, но и в подразумеваемых компонентах значения. Например, слова «почтовый ящик» и *mail-box* имеют одинаковый интенционал³, т.е. существенные признаки – «ящик для складывания почтовых отправлений». Имплицитные семы значений этих слов (цвет, размер, форма, расположение и т.д.) в каждом языке разные. Сравнение почтового ящика с большим тостером на четырех ножках понятно только тем, кто представляет себе внешний вид почтовых ящиков в США. Другой пример: в слове «такси» (*taxi*)

компоненты внешней формы и цвета не входят в интенционал понятия, но актуализируются при межкультурной коммуникации (в США такси – желтого цвета, а в Англии – черного). Реалии данного типа, содержащие культурно-специфические импликации, должны вноситься в лингвокультурологические словари, хотя это делается не всегда. Имплицитные различия подобного рода требуют обязательного введения в словарь графических иллюстраций.

Отдельная категория языковых реалий – это понятийные лакуны. Часто приводимые примеры – это английское слово *fortnight* (две недели) и русское слово «сутки». 24 часа обозначаются одним словом также в украинском, греческом языках и в иврите. В большинстве европейских языков однословного обозначения суток нет.

Труднее найти убедительные примеры «поведенческих языковых реалий». Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров приводят такой: в речевой ситуации утешения собеседника реплика *Don't let it show* («Не показывай своего горя») нетипична для русских и крайне типична для американцев. Фраза *keep smiling!* для американцев в такой ситуации означает то же самое, а для русских «Ну, улыбнись!» означает: «Забудь о горе, взбодрись!» [7, с. 218–223]. Приведем собственный пример: в большинстве европейских культур приглашение в гости следует понимать буквально, но в некоторых культурах – это лишь ритуальная фраза, за которой должна последовать благодарность и вежливый отказ. Эти примеры тесно связаны с национальной психологией. Подобные культурно-специфические особенности вряд ли можно жестко связать с одной определенной лексемой. В последнее время подобные случаи описываются и исследуются в рамках понятия «речевая

³ Под интенционалом в логике и семантике понимают содержание понятия, необходимые и достаточные признаки, задающие то или иное понятие. Экстенционал – объем понятия, предметная область, описываемая данным понятием.

ситуация». В данном случае описаны речевые ситуации *утешения, ободрения и приглашения в гости*. Речевые ситуации трудно представить в виде словаря, однако это возможно.

Итак, важные проблемы, возникающие при составлении лингвокультурологических словарей – это отбор словника и содержание самой словарной статьи. Одним из удачных решений этих трудностей может быть ассоциативный принцип. Поскольку важнейшим критерием отбора словника является общеизвестность в данном социуме, словник может быть отобран путем ассоциативного эксперимента или опроса. Например, таким образом может быть составлен словарь культурных символов. Можно отталкиваться от самих символов и использовать их в качестве стимулов в эксперименте, можно, напротив, использовать в качестве стимулов понятия. Частично это было проделано нами в ассоциативном словаре английских личных имен. Взяв личные имена в качестве символов, мы отсеяли те, на которые были получены слабые реакции. Такие имена не являются символическими, или их символика сильно размыта, либо понятна только узкому кругу носителей культуры. Имена с сильными реакциями можно назвать символическими, например, *Венера, Ромео, Джульетта, Соломон*. Сильные реакции вызвали также имена: *Голиаф, Самсон, Мафусаил* и т. п. Стимул *сила* также вызвал реакции *Самсон, Голиаф, долголетие – Мафусаил, женское коварство – Далила, щенячья любовь (puppy love) – Ромео и Джульетта, мудрость – Соломон*. Следует учитывать, что часть англоязычных информантов были миссионерами, хорошо знавшими Библию. Светская аудитория могла бы не выдать подобных реакций. Русские

студенты, особенно в последнее время, показывают довольно низкий уровень общей культуры. Имена *Мафусаил, Далила* или *Сизиф* оказались для них лишь смутно знакомыми или вовсе неизвестными.

Ассоциативный метод не только помогает сформировать словник словаря, но и позволяет отобрать содержание для словарной статьи. Специфика лингвокультурологической информации состоит в том, что она не всегда состоит из истинных систематических знаний. Эта информация большей частью состоит из стереотипов сознания и подсознания носителей культуры. При этом стереотипизированные сведения хранятся в памяти не систематически, а ассоциативно. Проиллюстрируем эти положения примером ассоциаций на русские личные имена:

Давид – Библия (15); сильный (12); еврей (7); Розенбаум /песня «Бухгалтер»/ (6); Голиаф (5); грузин (5); царь (5); монах (3); армянин (2); мудрый (2); хитрый (2).

Варвара – грубая (5); зануда (5); злая (5); кухарка (4); толстая (3); старая (2);

Из примеров видны специфические черты лингвокультурологической информации: 1) стереотипизированность; 2) текучесть (см. песню «Бухгалтер», уже вышедшую из моды, между тем на пике популярности песни информанты знали даже имя бухгалтера, упоминаемое только в видеоклипе); 3) ассоциативность (имя *Варвара* ассоциируется со словом *варвар*, а также с *Варварой* – злой сестрой доктора Айболита из прозаической сказки К. Чуковского).

В последнее время от издания общих лингвокультурологических словарей переходят к выпуску специализированных. Некоторые из них уже изданы, некоторые

ждут своего составителя или издателя. Приведем примеры уже существующих или потенциально возможных словарей:

Словари собственных имен, личных имен, прозвищ;

Словари примет и суеверий;

Словари речевых ситуаций;

Фразеологический лингвострановедческий словарь

Тематические словари: бытовая лексика, искусство, музыка, религия, пропаганда, медицина, словарь торговых марок и т. д.

Фразеологический лингвострановедческий словарь создан Д. Г. Мальцевой. Первый ассоциативный словарь английских личных имен составлен нами [22]. Защищенная под нашим руководством диссертация А. В. Цепковой [20] содержит достаточно интересного материала для будущего словаря английских прозвищ. Уже завершена диссертация Н. Абловой содержит сходный материал по немецким прозвищам. Английским суевериям посвящен раздел в книге [16] и диссертации [19; 21], аналогичная диссертация защищена на немецком материале [10]. Полноценного словаря примет и суеверий еще не создано. Между тем уже собранный многообразный материал нуждается в систематизации. Т. П. Соломенникова, практически завершившая диссертационное исследование по медицинской концептосфере и наивной картине мира, изучала, в частности, суеверия, распространенные среди медиков.

Приведем результаты только одного из нескольких проведенных опросов медиков. Рассмотрим примеры примет и суеверий «к неудаче»:

1. Сами медики боятся лечить своих близких, при этом все может идти наперекосяк.

2. Нельзя говорить комплименты врачу.

3. Нельзя ронять бумаги пациента в его присутствии – дело пойдет туго.

4. Меняться дежурствами плохо: потом в твою отработку будут проблемы.

5. Если птица стукнулась в стекло палаты – к летальному исходу.

6. Больных нельзя возить на каталке ногами вперед.

7. Не скрещивать руки на груди в медицинском учреждении.

8. Не лечить родственников.

9. Не скрещивать руки на груди в операционной

10. Укол скальпелем – операция затянется

11. Не оперировать в понедельник.

12. Ворона на окне перевязочной – к обострениям.

13. Не оперировать 13 числа.

14. Удариться о стул в приемной – скоро поступит новый больной.

15. Если перчатка порвалась – операция будет сложной.

17. Нельзя меняться сменой или дежурствами — будет беспокойство.

18. Нельзя желать удачного дежурства.

Примеры примет и суеверий «к удаче»:

1. Дождь в день операции – к хорошему исходу.

2. Лечение в полнолуние.

3. Одевание перчаток с правой руки.

4. Надевать бахилы с правой ноги.

5. Не поднимать мед. инструмент, упавший на пол, до окончания операции.

6. Не убирать ничего со стола, пока операция не закончена.

Большинство этих примет актуально и в англоязычной среде. В ходе анализа медицинских концептов было выявлено, что в семантическом составе данных языковых еди-

ниц также имеется национально-специфичный колорит.

Продолжая тему медицинской сферы, приведем пример словарной статьи из еще не созданного англо-русского медицинского лингвокультурологического словаря.

Montezuma's revenge – «Мечь Монтесумы», разговорное название диареи (также *Aztec revenge* – «Мечь ацтеков»). Во время завоевания Мексики в XIV веке император ацтеков Монтесума был обманут и убит испанскими конкистадорами во главе с Кортесом. Эрнан Кортес со своим войском почти полностью истребил ацтеков, но сам умер в 62 года от дизентерии.

Собственно, определением в данной словарной статье является первое предложе-

ние. Однако одного определения недостаточно. Недостаточно также и простого указания на то, что Монтесума – вождь ацтеков. Последующие пояснения представляют собой необходимый лингвострановедческий комментарий. Он не только объясняет этимологию культурно-специфической единицы, но также дает познавательную информацию о чужой лингвокультуре. При этом информация не выходит за пределы общеизвестных в американском социуме сведений.

Объем нашей статьи позволил остановиться только на нескольких типах словарей и привести лишь несколько характерных примеров. Многие практические области лингвокультурологической лексикографии еще ждут своего подробного описания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Америка:** Энциклопедия повседневной жизни / Общ. ред. Л. М. Гейман. – М.: Энциклопедическая творческая ассоциация, 1998. – 416 с.
2. **Американа:** Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. и общ. рук. Г. В. Чернова. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185 с.
3. **Апресян Ю. Д.** Очерки по современной структурной лингвистике. – М.: Просвещение, 1966. – 304 с.
4. **Блумфилд Л.** Язык. – М.: Изд-во иностр. лит., 1968. – 607 с.
5. **Вандриес Ж.** Язык. Лингвистическое введение в историю. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 410 с.
6. **Веденина Л. Г.** Франция: Лингвострановедческий словарь. – М.: Интердиалект+/АМТ, 1997. – 1078 с.
7. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
8. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура. 4-е изд. – М.: Русский язык, 1991. – 260 с.
9. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
10. **Кулькова М. А.** Семантика и прагматика немецких и русских народных примет (Лингвокультурологический подход): Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 216 с.
11. **Леонтович О. А., Шейгал Е. И.** Жизнь и культура США: Лингвострановедческий словарь. – Волгоград: Станица 2, 1998. – 426 с.
12. **Мальцева Д. Г.** Германия: страна и язык. Лингвострановедческий словарь. – М.: АСТ, 2001. – 416 с.
13. **Маркина Л. Г.** Культура Германии: Лингвострановедческий словарь. – М.: АСТ. Астрель, 2006. – 1181 с.

14. **Ощепкова В. В., Петриковская А. С.** (ред.). Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1998. – 216 с.
15. **Рум А.** Великобритания. Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1999. – 560 с.
16. **Томахин Г. Д.** Реалии – американизмы. – М.: Высшая школа, 1988. – 350 с.
17. **Томахин Г. Д.** США: Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1998. – 480 с.
18. **Стернин И. А.** Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 172 с.
19. **Туганова С. В.** Синтагматика и парадигматика русских и английских суеверных примет антропологической направленности: дис ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 183 с.
20. **Цепкова А. В.** Национально-культурная специфика прозвищ (на материале современного англоязычного интернет-дискурса): дис ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2011. – 202 с.
21. **Чергинцев И. А.** Смыслопостроение суеверий и предрассудков в английской и русской лингвокультурах: дис ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2008. – 164 с.
22. **Чернобров А. А.** Ассоциативный словарь английских личных имен. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. – 98 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.04)

Chernobrov Alexey Alexandrovich, Doctor of Philology, Professor of Foreign Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: chern@sibmail.ru

PRINCIPLES, CONTENTS AND TYPES OF LINGUOCULTURAL DICTIONARIES

Abstract

The paper is devoted to Linguocultural lexicography. Existing and potential Russian-English and Russian-German Linguocultural dictionaries are examined. Examples of dictionary entries are given. Linguocultural dictionaries are based on certain theoretical principles and among these are cultural specificity of information, combination of linguistic and extralinguistic aspects, logical and psychological components of meanings, ostensive definitions.

Linguocultural dictionaries are compiled according to two main principles: 1) cultural specificity of the lexeme or any components of word meanings; 2) familiarity of the dictionary information for all the speakers of the given language.

Studying language it is necessary, on the one hand, to examine the material artifacts of culture, science, history, folklore etc. On the other hand we enter the area of mental entities determined both by social factors and personal experiences of individuals. Extralinguistic reality determines certain explicit and implicit components of word meanings. These components in turn transform the linguistic environment of the given word, its combinability, distribution and contextual valency.

Keywords

language and culture, lexicography, language associations.

REFERENCES

1. *America: Encyclopedia of Everyday Life.* (ed.) L. M. Geyman. Moscow: Encyclopedic Creative Association Publ., 1998. 416 p. (In Russian)
2. *Americana: Encyclopedic Dictionary.* Smolensk: Polygramma Publ., 1996. 1185 p. (In Russian)
3. Apresyan Yu. D. *Sketches on Modern Structural Linguistics.* Moscow: Prosveshchenye Publ., 1966. 304 p. (In Russian)
4. Bloomfield L. *Language.* Moscow. Foreign Literature Publishing House Publ., 1968. 607 p. (In Russian)
5. Vendryes Joseph. *Le Langage, introduction linguistique à l'histoire.* Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 410 p. (In Russian)
6. Vedenina L. G. *France: Linguocultural Dictionary.* Moscow: Interdialect+/AMT Publ., 1997. 1078 p. (In Russian)
7. Vereshchagin Ye. M., Kostomarov V. G. *The Linguocultural Theory of the Word.* Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 1980. 320 p. (In Russian)
8. Vereshchagin Ye. M., Kostomarov V. G. *Language and Culture.* Moscow. Russkiy Yazyk Publ., 1991. 260 p. (In Russian)
9. Vereshchagin Ye. M., Kostomarov V. G. *Language and Culture. Three Linguocultural Theories.* Moscow: Indrik Publ., 2005. 1040 p. (In Russian)

10. Kulkova M. A. *Semantics and Pragmatists of German and Russian Folk Superstitions (A Linguocultural Approach)*. Cand. Phil. Sci. Diss. Kazan, 2005. 216 p. (In Russian)
11. Leontovich O. A, Sheygal E. I. *Life and Culture of the USA: Linguocultural Dictionary*. Volgograd: Stanitsa 2 Publ., 1998. 426 p. (In Russian)
12. Maltseva D. G. *Germany: The Country and Language. Linguocultural Dictionary*. Moscow: 1999. 382 p. (In Russian)
13. Markin L. G. *Culture of Germany: Linguocultural Dictionary*. Moscow, 2006. 1181 p. (In Russian)
14. Oshchepkova V. V., Petrikovskaya A. S. (ed.). *Australia and New Zealand: Linguocultural Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 1998. 216 p. (In Russian)
15. Room A. R. W. *Dictionary of Great Britain*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 1999. 560 p. (In Russian)
16. Tomakhin G. D. *Realities – Americanisms*. Moscow: Higher School Publ., 1988. 350 p. (In Russian)
17. Tomakhin G. D. *The USA: Linguocultural Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 1998. 480 p. (In Russian)
18. Sternin I. A. *Lexical Meaning of the Word in Speech*. Voronezh, 1985. 172 p. (In Russian)
19. Tuganova S. V. *Syntagmatic and Paradigmatic Aspects of Russian and English Superstitious in Anthropological Interpretation*. Cand. Phil. Sci. Diss. Kazan, 2006. 183 p. (In Russian)
20. Tsepkova A. V. *National Cultural Specificity of Nicknames (Materials of Modern English-speaking Internet Discourse)*. Cand. Phil. Sci. Diss. Irkutsk, 2011. 202 p. (In Russian)
21. Cherginets I. A. *Sense Construction of Superstitions and Prejudices in English and Russian Languages and Cultures*. Cand. Phil. Sci. Diss. Nalchik, 2008. 164 p. (In Russian)
22. Chernobov A. A. *English Personal Names. A Dictionary of Language Associations*. Novosibirsk: NSPU Publ., 1995. 98 p. (In Russian)